

Цзин Ни опустил голову. Он знал, что Цзин Вэй, любящий своего сына, не оставит его без наказания. Поскольку он ожидал этого, Цзин Ни не показал никаких эмоций:

— Ваш сын не имеет возражений.

Евнух, довольный ответом, поклонился и удалился.

Находясь под домашним арестом в резиденции принца, Цзин Ни был отрезан от новостей. Он думал, что у Бай Хэна лишь царапины, и не знал, что в ту же ночь из палат императорских врачей пришла весть о смерти главной служанки Восточного дворца Бай Хэн.

Бай Хэн служил Цзин Сы более десяти лет, и их связь хозяина и слуги была глубока. Однако странно, что добрый наследный принц, услышав о смерти Бай Хэна, не проявил никакой печали. Более того, на следующее утро слуги обнаружили, что место Бай Хэна занял высокий мужчина с мягкими чертами лица, который стал личным слугой наследного принца. Его звали — рабыня-художница.

Состояние Цзин Вэя ухудшалось. Похоже, та ночь, когда он ждал Цзин Сы, усугубила болезнь, и теперь он не мог сохранять ясность ума и полдня.

Цзин Сы, с одной стороны, должен был скрывать недуг отца, с другой — разбираться с горой дел, и у него просто не хватало времени. Хулюй Чэн несколько раз после утреннего приема хотел поговорить с ним, но, не успев дойти, видел, как Цзин Сы спешно уходит.

Так прошло несколько дней, и Хулюй Чэн так и не смог перекинуться с Цзин Сы ни парой слов.

Не имея возможности поговорить с возлюбленным, Хулюй Чэн был в отчаянии, и именно в этот момент принц Боюй решил наступить ему на больную мозоль.

В тот день, когда Хулюй Чэн вернулся к воротам постоянного двора, он увидел солдата, который оглядывался по сторонам. Увидев его, солдат поспешил подбежать и доложил:

— Генерал, принц Боюй пропал!

Хулюй Чэн нахмурился. Этот непоседливый принц Боюй действительно доставлял ему неприятности.

— Войдем внутрь, поговорим там.

Хулюй Чэн не хотел поднимать шум и повел людей в постоянный двор.

Комната, где жил принц Боюй, была забита солдатами, которых Хулюй Чэн привез из Цюэду. Все выглядели крайне обеспокоенными.

Увидев Хулюй Чэна, они толпой окружили его, каждый старался что-то сказать. Хулюй Чэн стоял посреди шума и не мог разобрать ни слова.

Хулюй Чэн, полагавший, что принц Боюй просто не вытерпел и снова сбежал в бордель на лодке, наконец понял, что все гораздо серьезнее.

— Стой!

В конце концов Хулюй Чэн указал на одного человека:

— Говори ты. В чем дело?

Тот ответил:

— Генерал, сегодня утром, после того как вы ушли во дворец, я пошел звать принца Боюя на завтрак. Долго стучал, никто не отвечал. Когда я вышиб дверь, принца там не было, только эта записка на столе.

Солдат протянул записку. Хулюй Чэн развернул её и нахмурился:

— Приглашаем принца в гости на месяц. Не тревожьте других, иначе жизнь принца будет в опасности.

— Генерал, что нам теперь делать?

Заместитель тоже был озадачен:

— А если Император позовет принца раньше месяца? Тогда все раскроется.

Хулюй Чэн знал, что тут нет «если». Император обязательно призовет принца Боюя, и это произойдет через пять дней, на банкете в честь дня рождения наследного принца.

Если исчезновение принца Боюя раскроется, поймают ли похитителей или нет, все, кто отвечал за охрану, не избегут наказания.

Более того, Боюй вполне может воспользоваться случаем, чтобы спровоцировать конфликт и вымогать у Да Юн контрибуцию.

— Может, найти кого-нибудь, чтобы притвориться принцем Боем?

Внезапно предложил один смысленный солдат:

— Все равно Император никогда не видел, как выглядит принц Боюй.

— Это обман Императора!

Тут же получил он по голове от заместителя:

— Казнят до девятого колена!

Солдат, обиженно прижав руку к голове, умолк.

Молчавший до этого стратег вдруг постучал по столу — знак, что он хочет сказать. Все разом повернулись к нему, ожидая гениального плана.

— Внешность жителей Боюя сильно отличается от жителей Да Юн. К тому же принц Боюй Complexion is burly. Найти подходящего двойника непросто.

Неожиданно стратег, казалось, всерьез обдумывал безумную идею солдата.

— Советник!

Воины смотрели на него с недоверием:

— О чем вы говорите?

Но стратег игнорировал их. Проведя рукой по бороде, он подошел к Хулюй Чэну и оглядел его сверху донизу:

— Прямо перед нами идеальный кандидат.

— Но...

Хулюй Чэн замялся:

— Император видел меня.

Стратег рассмеялся:

— У принца Боюя густая борода и растрепанные волосы. Запоминаются только зеленые глаза. Если генерал будет осторожен, не то что Император, даже старый генерал Хулюй вас не узнает.

— Кроме того, это временная мера. Мы можем разделиться: одна группа будет искать принца Боюя, чтобы скорее вернуть его, другая останется с генералом для отвода глаз.

После таких слов не только простые воины, но и сам Хулюй Чэн решил, что план вполне осуществим.

— Тогда поступим по совету стратега.

Хулюй Чэн стиснул зубы и хлопнул ладонью по столу:

— Разыграем эту комедию!

Пятнадцатое августа наконец наступило. На темном небосводе висел полный диск луны, чьим ярким светом померкли звезды.

Весь дворец был залит огнями, а Восточный дворец наследного принца купался в сиянии тысяч небесных фонарей, теплый свет которых словно согревал холодную глазурованную черепицу.

Небесные фонари, или фонари желаний, были сделаны благодарными жителями, которые запускали их в реку Чжо. Течение несло их в Юнду, где их вылавливали, сушили и складывали у дворцовых ворот, затем раздавали жителям столицы в знак радости вместе с народом.

Но в этом году Цзин Сы поступил иначе: он приказал зажечь фонари и развесить их под карнизами Восточного дворца.

Тысячи небесных фонарей зависли над Восточным дворцом, превращая эту территорию в светлую как день. Цзин Сы посмотрел на них и заметил, что на одном из фонарей есть надпись.

Чтобы избежать утечек или подкупа, на фонарях запрещалось оставлять надписи.

Несмотря на запрет, Цзин Сы стало любопытно.

Он взгляделся из окна, но из-за дальности не мог разобрать текст. В этот момент темно-зеленая фигура взмыла вверх. Это был высокий юноша, чьи мягкие черты лица в сиянии огней казались невыразимо нежными.

Он сорвал фонарь, на который так долго смотрел Цзин Сы. В другой руке он что-то держал,

поэтому ему пришлось одной рукой цепляться за фонарь, спрыгивая с крыши.

Перед Цзин Сы оказался фонарь в форме лотоса. Фонарь отодвинулся в сторону, открыв улыбающиеся глаза Бай Хэна:

— Ваше Высочество, для вас.

Цзин Сы взял фонарь, и его прекрасное лицо, несколько дней остававшееся холодным, наконец озарилось улыбкой:

— Не думал, что у тебя такие хорошие навыки.

Бай Хэн перемахнул через окно. Услышав подшучивание Цзин Сы, он не смутился, а лишь усмехнулся:

— Бай Хэн всего лишь слабая женщина, она не владеет боевыми искусствами. А вот рабыня-художница владеет.

Услышав имя рабыни-художницы, Цзин Сы разозлился и косо посмотрел на него:

— Да, рабыня-художница еще и соблазнительные танцы танцует. Настоящий талант на все руки.

Вспоминая, как он танцевал на лодке в женском платье, Бай Хэн наконец потерял лицо и, рассмеявшись, перевел тему:

— Ваше Высочество, это новая одежда из Бюро одежды. Пожалуйста, переоденьтесь.

— Оставь.

Цзин Сы покачал головой. С того дня, как он раскрыл, что Бай Хэн мужчина, тот, казалось, даже не стал утруждать себя маскировкой и стал совсем другим человеком по сравнению с прежним молчаливым слугой.

Бай Хэн отнес одежду в сторону, а Цзин Сы наконец перевернул фонарь и увидел надпись:

«Старший брат-наследник, Лянь-эр хочет выйти за тебя замуж».

Почерк был корявым, явно рука новичка, но бумага была высшего качества — видно, что из богатой семьи. Значит, «Лянь-эр», написавшая это, была девочкой лет пяти-шести, только начавшей учиться, которая под влиянием окружения влюбилась в далекого наследного принца в Юнду.

Это детское и чистое желание заставило Цзин Сы улыбнуться, но улыбка замерла на полпути.

<http://bllate.org/book/16771/1563849>